

«БУДУЩЕЕ НАСТУПАЕТ МГНОВЕННО»

Совершенно другой рынок труда будет в России уже совсем скоро: некоторые профессии сильно изменятся, другие исчезнут полностью

Страна будет вынуждена всерьез перестроиться в следующие несколько лет, чтобы избежать массовой безработицы. Эксперты российской «фабрики мысли» - Фонда «Центр стратегических разработок «Северо-запад» - делятся прогнозами и соображениями. Интервью с Петром Щедровицким, членом правления Фонда, и директором Фонда Владимиром Княгининым.

- Владимир Николаевич, различные «фабрики мысли» прогнозируют серьезные перемены на российском рынке труда. В частности – исчезновение некоторых профессий. Насколько серьезно стоит относиться к подобным прогнозам? Ведь резких изменений мы до сих пор не наблюдаем.

В.К.: - Наше сознание каждый раз играет с нами злую шутку: мы знаем, что будущее наступит, но, в то же время, не верим в то, что оно придет. И оно, действительно, часто плетется так медленно, что мы перестаем его бояться, а в один прекрасный день наступает мгновенно. Поэтому, на мой взгляд, к таким прогнозам стоит относиться со всей серьезностью, ведь некоторых специалисты выброшены с рынка уже сегодня. Недавно Агентство стратегических инициатив опубликовало свою «дорожную карту» Национальной системы компетенций и квалификаций, согласно которой целые профессии вылетают как несуществующие в ближайшем будущем.

- Кто сегодня, на Ваш взгляд, в группе риска?

- В первую очередь, экономисты, бухгалтеры и юристы. У нас почти вся система образования была заточена под «производство» этих компетенций. Бухгалтерский корпус уже сегодня чувствует очень сильное давление, очевидно, что он будет убывать. Также сильное давление ощущают юристы, так как идет автоматизация государственных услуг, в частности нотариусов. А если будут введены доступ к базам документов и электронная подпись, нотариусы и другие категории юристов могут потерять свои рабочие места.

Очень много изменений будет и для тех, кто работает с конкретными и, казалось бы, сложными вещами – со станочным парком, например.

Переход к новым строительным технологиям и модульной сборке изменит понимание профессии строителя. Также ожидается, что с 2020 года кардинально изменится транспортная система: значит, работники транспорта прошлого поколения останутся без работы.

Масса людей может вылететь из разного рода сервисов. Уже сегодня в туристическом бизнесе закрываются целые промежуточные сегменты. Забронировать билеты или гостиницу сейчас можно через Интернет, соответственно, вылетают туристические агенты. Английский язык становится в полной мере международным: даже в России к 2015 году он будет относительно массовым для нового поколения. В таком случае, зачем нужны экскурсоводы и переводчики?

- Коснется ли это так называемых творческих профессий?

- Думаю, что да. Очевидно, что профессия журналиста должна совершить какой-то очень интересный кульбит в обозримом будущем. Это касается «бумажной» прессы и ТВ. Бумажный носитель если не вымирает, то ощутимо сокращается, так как число читателей падает. И телевизионщики теряют аудиторию на глазах: люди перестают смотреть телевизор, уходят в Интернет. Поэтому для ТВ ключевой вопрос сегодня - как создавать контент и как его обрабатывать под следующее поколение, которое уже «проголосовало против».

Кроме того, не забывайте, что происходит массовизация некоторых творческих видов деятельности, которые раньше были недоступны. Если вы сегодня хотите стать дизайнером или музыкантом, ничего сложного в этом нет. Студий звукозаписи у нас уже практически столько же, сколько фитнес-

клубов. А при современном развитии Интернета поработать «корреспондентом» тоже несложно: нужно просто снять видео и выложить его в сеть.

- Что можно сказать об IT-специалистах?

- Если ориентироваться на исследование, проведенное АСИ, то профессия программиста должна претерпеть кардинальные изменения. Программисты либо будут заменены, либо перейдут в другие, сейчас еще не развернутые, сегменты в этой же области.

И еще интересный прогноз: огромные потери должна понести самая многочисленная трудовая когорта – вы удивитесь – охранники.

- Они перестанут быть нужны?

- В действительности, они не очень нужны уже сейчас, но все идет по инерции: стоит это очень недорого, а девать этих людей некуда. Поэтому они и сидят на всех углах, ни на что не реагируя и ни от чего нас не спасая, но осуществляя функцию фиксатора событий в офисе, которую с успехом может выполнить любая видеокамера.

- Если ожидаются столь серьезные перемены, можно ли предположить, что не все успеют подготовиться?

- Если мы снова «проморгаем» наступление будущего, то, конечно, да.

Не все удачно устроятся. И в этом, на мой взгляд, ключевая социальная проблема для общества сегодня. Социальный капитал - самый ценный и искомый. Но если вы не превратили людей в капитал, а они по каким-то причинам сами этого сделать не могут, вы получаете, по сути, классовый конфликт.

- Петр Георгиевич, Ваше мнение? Вы согласны с тем, что многим придется всерьез менять свою жизнь вследствие вот такого наметившегося классового конфликта, о котором говорит Владимир Николаевич? В чем основная проблема, на Ваш взгляд?

П.Щ.: - Да, происходящее можно назвать и классовым конфликтом тоже. Сегодня, действительно, идет дискуссия о равенстве доступа к образовательным возможностям. Здесь мы должны фиксировать, что образовательное неравенство продолжает расти во всем мире. И это также одна из причин «турбулентности» на российском рынке труда.

Однако, говоря о грядущих изменениях, я бы выделил как основную проблему низкий уровень мобильности. Низкий, как в сравнении с развитыми индустриальными странами – США и европейскими, так и в сравнении с тем, что происходило в СССР.

- С чем это связано?

- Первое, во что мы упираемся - это мировоззренческий аспект. В России в рейтинге предпочтений наличие гарантированного рабочего места с низкой оплатой стоит выше, чем повышение производительности труда, которое автоматически связано с падением занятости, но повышением оплаты труда каждого работника. Наши люди не хотят много зарабатывать, им нужна стабильность, в первую очередь.

- Мы тяжелы на подъем?

- Дело не в этом. Во-первых, люди не имеют необходимой информации о том, где их труд может быть востребован, а во-вторых, у них нет средств на переезд.

Задумайтесь, в чем, например, основная сложность для российских монопрофильных городов, так называемых «депрессивных» территорий, в которых нет работы? В том, что в одном месте собраны специалисты определенного типа и определенной категории. Если обанкротилось базовое предприятие, то специалисты близкой квалификации одной отрасли деятельности оказались на рынке труда. Им вдвойне сложно найти работу, потому что они еще и конкурируют друг с другом. И может быть, в другом месте они были бы востребованы, и им не пришлось бы

переквалифицироваться, теряя свою специальность, что всегда болезненно для любого человека. Но по целому ряду причин переехать они не могут. Зачастую люди просто не знают, где они могут себя применить, да и переезд куда-то, где есть лучшая работа, сопряжен с огромным количеством трудностей.

Как переехать из ЗАТО (закрытое административно-территориальное образование), например? Жилье в собственности - значит, его нужно продать: в городе, где нет работы. Соответственно, продать его очень сложно. А переезжают, в основном, в крупные города, где цена жилья аналогичного качества будет значительно выше. В мире сто лет назад параллельно с развитием рынка недвижимости начал складываться сектор аренды жилья, доходных домов - как это называлось в царской России - жилья, которое строится собственником в расчете на сдачу его в найм людям, приезжающим в город на работу. У нас этот рынок был уничтожен после революции, а сегодня пребывает в недоразвитом состоянии.

Плюс - социальный пакет у нас до сих пор фактически прикреплен к месту жительства, а не к человеку. Соответственно, семья столкнется с большими трудностями, прикрепляясь на новом месте к поликлинике, к школе, детскому саду. Все расчеты социальных пакетов у нас всё еще ведутся без учета социальной мобильности населения. И конечно, не существует пока такого вида деятельности государства, как поддержка мобильности.

- На Запад здесь можно ориентироваться?

- Можно и нужно. Существует многолетний мировой опыт переселения людей из кризисных районов. В мире, например, если где-то возникает ситуация банкротства предприятия, имеющего существенную долю в доходах муниципалитета и формировании занятости на этой территории, государство вмешивается и поддерживает людей, рекомендуя, куда им переехать. В США и Канаде эту проблему уже давно и успешно решают.

- Владимир Николаевич, нередко приходится слышать тезис о том, что экономические кластеры – это один из выходов для «депрессивных» территорий. И в первую очередь, инновационные кластеры, основанные на экономике знаний и дающие возможность региону развиваться. Если смотреть на города России, что можно сказать об их инновационном развитии?

В.К.: - Безусловно, создание инновационных кластеров – один из эффективных путей развития территории и ответ на такие социальные вопросы, как борьба с безработицей. Однако, по большому счету, сегодня развитие идет, в основном, в столичном регионе и Северной столице. Российские миллионники теряют население: Пермь, Волгоград и целая серия городов, неспособных удержать людей из-за малого количества рабочих мест и низкой оплаты труда. И, по прогнозу ООН, эта тенденция устойчива.

В ближайшее время движение кадров в сторону Москвы и Московской области в поисках работы продолжится, в результате чего столица распухнет до гипер-агломерации. Санкт-Петербург, судя по всему, сохранит шансы на устойчивый рост. Более того, страна в ближайшем будущем может получить один так называемый мега-регион – «Москва- Санкт-Петербург»: супер-агломерация объединится в чрезвычайно мощную по экономической силе систему. Мы получим новую связку, которая станет мощным рычагом давления, как минимум, на Северную Европу. Особенно, если будет последовательно повышаться скорость железнодорожных сообщений, до 400 км/ч, и время в пути составит чуть больше двух часов из центра Петербурга в центр Москвы. Люди будут стекаться сюда, так как здесь будет концентрироваться развитие и будут те рабочие места, которые они ищут.

- А что можно сказать о сибирских и дальневосточных городах? Инновационное развитие у нас ассоциируется, в частности, с сырьевыми регионами, которые традиционно рассматриваются как стабильные.

- В сырьевых регионах открыт доступ, скорее, к ресурсам, а не к знаниям, не к источникам развития. Само развитие, как мы понимаем, это навыки и компетенции, а его источники – крупные города и городские агломерации. А поскольку в сырьевых регионах как таковой доступ к знаниям ограничен,

схема их освоения выглядит как неустойчивая. Всегда есть риск, что как только закончатся ресурсы, люди снимутся и уедут – в поисках лучшей работы и лучших условий жизни.

Если же анализировать ситуацию непосредственно по городам, то, на мой взгляд, только Томск действительно сделал ставку на инновационное развитие. И то, в общем-то, колеблется и готов снова стать сырьевым: добывать убывающую нефть и раскапывать в болотах железо, которого там достаточно много. Что касается Красноярского края, то лишь небольшой городок под Красноярском, Железногорск, сказал, что он будет инновационным, и сейчас пытается невероятными усилиями «вытащить себя за волосы».

Пока, с точки зрения инновационного развития, лучше всего выглядит Иркутск. У Хабаровска есть некоторый потенциал машиностроения и сложных производств – я имею в виду Хабаровский край с Комсомольском-на-Амуре. Владивосток – все же портовый город, транспортно-логистический узел. В нем есть достаточно мощный Дальневосточный федеральный университет. Но минус заключается в том, что этот университет создан в идеологии предыдущего этапа развития и не сможет быть «промпарком» 21-го века, то есть не может служить образцом современного образования и создания компетенций. Все это должно перестраиваться.

- И это всё по России?

- По всей видимости, да. Все остальные города пока думают, что можно прожить на бюджетных инвестициях, на гиперстройках за счет нефтяных денег, на торговле, на логистике. А значит, те их жители, которые склонны работать в инновационной, развивающейся среде, опять же потянутся в московскую агломерацию.

- Петр Георгиевич, вопрос к Вам. Говоря о мобильности, Вы имеете в виду не окончательный переезд, ставший уже устойчивой тенденцией, а возможность человека передвигаться по стране в зависимости от того, где в данный момент есть интересующее его рабочее место?

П.Щ.: - Да, именно так.

- В каких профессиях в России присутствует такого рода мобильность?

- Мобильность в России начинает проявляться в тех сферах деятельности, которые сегодня имеют повышенный, по сравнению со средним, уровень дохода. Ну, например, менеджеры, управленцы – самая быстро движущаяся и самая востребованная прослойка.

До кризиса 98-го года довольно мобильны были rg-структуры и средства массовой информации. Люди ездили из одного места в другое, на выборах работали, в том числе. Эти виды деятельности были сверхвостребованными. Потом наступил кризис, и масса людей оказалась на улице или вернулась в родные регионы.

- А самые «несдвигаемые» профессии у нас? Учителя, врачи?

- Ну, подождите, у нас есть еще города при центрах добычи сырья. Ведь это только в СССР можно было закрепить людей подобных профессий на одном месте. Ни в одной стране мира вы не увидите на прииске или на руднике такого масштаба постоянных поселений. Вы видели в мире «Новые Уренгой» с мраморными зданиями администрации и Домами культуры, где живет под 100 тысяч человек в зоне, где зимой минус 40-50, а лето две недели в году? Только Советский Союз мог учудить такое. Вахта – она и есть вахта. Люди в мире ездят на вахту в минимальном количестве, так как социальная инфраструктура в таких местах – золотая!

- Представители каких профессий, по Вашему мнению, в первую очередь начали бы перемещаться по стране в поисках лучшей работы, если бы были созданы соответствующие условия?

- Да все те же, кто и так передвигается: строители, энергетики, управленцы. Сегодня во всех отраслях растет спрос на рабочие кадры – на действительно квалифицированные кадры. Поехали бы с большим комфортом и меньшими издержками. Я всегда вспоминаю, как в 90-м году встретился на одной из международных конференций с канадцем, у которого на бейдже было написано «Социальный акушер». Я ему говорю: «Это что – социальный акушер?» А он отвечает: «Я работаю

в канадских леспромпхозах в северных районах, которые обанкротились, я помогаю людям переезжать».

Он приходит в семью и разговаривает со всеми: с главой семьи, с его женой, с детьми. Выясняет, есть ли родственники в других регионах, где кто учится, чем интересуется, какие склонности у детей и т.д. Составляет подробное досье и через специальные социальные сети ищет этой семье место, где взрослые могли бы найти работу, а дети – образование. И этот социальный акушер - агент государства. Я его спрашиваю: «И каковы результаты?» «За год, - говорит, - 300 семей переселил». У нас такого института не существует вообще. Мало того, что должны быть открытые источники информации, должна еще вестись подобная специальная работа. А, кроме того, есть еще одна серьезная проблема: несформированность рынка труда как такового. Труд есть, разрывы в обеспечении трудовых ресурсов есть, а рынка нет.

- А такие структуры, как биржа труда, играют какую-то роль?

- Конечно, играют. Но биржа труда довольно узко ориентирована - в основном, на специалистов низкой квалификации и локальный рынок. А высоко квалифицированными специалистами занимаются рекрутинговые агентства. То есть, нет общей системы, которая бы исправно работала, корректируя и наполняя рынок труда необходимым предложением.

- Что касается рекрутинговых агентств – это нормальная ситуация в мире...

- Да, и они зарабатывают на том, что перекадывают кадры с места на место. Находят человеку более высоко оплачиваемую работу и берут с него условно одну месячную зарплату. Но, обратите внимание, на чем они выигрывают.

На том, что начинает работать мультипликативный эффект: нашли кому-то новую работу, на его место передвигают следующего и так далее. И вся цепочка начинает двигаться.

В этом смысле, рекрутинговые агентства являются чистой экономикой знаний. Если они знают, где востребованы определенные кадры, то они имеют возможность ускорять ротацию и за счет этого повышать свой доход.

Они должны знать о людях максимум, они дают какую-то, пусть не стопроцентную, но все же гарантию. И они собирают информацию о потребностях работодателей и работают с ней.

- То есть, в принципе, матрица есть? Если бы задействовать рекрутеров в системе рынка и сделать их непосредственным элементом, то рынок труда начал бы создаваться в России?

- В принципе, да. Хотя понятно, что рекрутеры с гораздо большим интересом занимаются высокооплачиваемыми сферами, чем рабочими кадрами. А поэтому нужно было бы в этой системе задействовать как-то профессионально-технические заведения, которые выпускают специалистов.

Эти два процесса - формирование рынка труда как такового и формирование политики мобильности населения - должны идти параллельно. Только в этом случае, мы сможем успевать за развитием, которое постоянно подталкивает нас к современным решениям.

СПРАВКА:

Пётр Георгиевич Щедровицкий - эксперт по управлению развитием, член правления фонда «Центр стратегических разработок «Северо-запад»; заместитель директора Института философии РАН по развитию; член Совета кластера г. Железногорск; эксперт Правительства России.

Владимир Николаевич Княгинин – эксперт по инновационному развитию, директор российской фабрики мысли (Think Tank) - Фонда «Центр стратегических разработок «Северо-Запад»; кандидат юридических наук.

Источник: <http://www.lawinrussia.ru>